

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.54, 343.61

Дата поступления: 16.07.2024

рецензирования: 17.08.2024

принятия: 10.09.2024

О коллизии норм об ответственности за посягательства специальных субъектов на жизнь и здоровье неродившегося или новорожденного ребенка

Т. В. Кленова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: klenova_tatiana@mail.ru

Т. Н. Нуркаева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: NurkaevaTN@yandex.ru

Аннотация: С позиции российского уголовного закона жизнь и здоровье неродившегося ребенка не являются самостоятельными объектами уголовно-правовой охраны. В настоящей статье показано, что государственная власть может использовать больше возможностей для гарантирования жизни и здоровья не только беременной женщины, но и неродившегося ребенка, а также новорожденного ребенка. В статье особое внимание уделяется проблеме коллизии норм об ответственности специальных субъектов незаконного проведения искусственного прерывания беременности. При фактическом соучастии субъектов разных видов в незаконном прерывании беременности: 1) беременной женщины; 2) лица, не являющегося медицинским работником; и (или) 3) медицинского работника – квалификация содеянного должна осуществляться в соответствии с принципом индивидуальной ответственности, путем выбора одного из смежных составов преступлений с соответствующим признаком специального субъекта. Однако в настоящее время легально вопрос об основании ответственности женщины за незаконное прерывание беременности не решен, и неясно, по каким критериям в законодательстве разграничена административная и уголовная ответственность медицинских работников и иных лиц за те же деяния (ст. 6.32 КоАП РФ и ст. 123 УК РФ). За последние годы появились научные исследования, обосновывающие целесообразность криминализации ряда общественно опасных деяний, совершаемых беременными женщинами и роженицами (родильницами). Позиция авторов настоящей статьи лишь частично согласуется с высказанными предложениями. Авторы статьи не ставят под сомнение право женщины принимать самостоятельное решение о рождении ребенка, но признают обоснованным уголовно-правовой запрет на искусственное прерывание беременности, когда нет обстоятельств медицинского или социального характера, исключающих или существенно снижающих общественную опасность этого деяния. В статье аргументировано, что круг предлагаемых в доктрине для целей криминализации новых видов деяний, совершаемых родильницами, неоправданно расширен, в частности, нет оснований для криминализации убийства матерью неизлечимо больного новорожденного ребенка по мотиву сострадания; умышленного причинения матерью легкого вреда здоровью новорожденного ребенка, а также причинения смерти по неосторожности новорожденному ребенку матерью, находящейся в состоянии опьянения.

Ключевые слова: криминализация; систематизация уголовного закона; коллизия норм об ответственности; преступления против жизни; посягательство на жизнь и здоровье новорожденного или неродившегося ребенка; незаконное искусственное прерывание беременности; фактическое соучастие специальных субъектов.

Цитирование. Кленова Т. В., Нуркаева Т. Н. О коллизии норм об уголовной ответственности специальных субъектов за посягательство на жизнь и здоровье новорожденного или неродившегося ребенка // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 39–46. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-39-46>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Кленова Т. В., Нуркаева Т. Н., 2024

Татьяна Владимировна Кленова – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Татьяна Николаевна Нуркаева – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.07.2024

Revised: 17.08.2024

Accepted: 10.09.2024

On the conflict of norms on criminal liability of special subjects for encroachment on life and health of a newborn or unborn child

T. V. Klenova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: klenova_tatiana@mail.ru

T. N. Nurkayeva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: NurkaevaTN@yandex.ru

Abstract: From the standpoint of Russian criminal law, the life and health of an unborn child are not independent objects of criminal and legal protection. This article shows that the government can use more opportunities to guarantee the life and health of not only a pregnant woman, but also an unborn child, as well as a newborn child. The article pays special attention to the problem of conflict of norms on the responsibility of special subjects of illegal artificial termination of pregnancy. With the actual complicity of subjects of different types in the illegal termination of pregnancy: 1) a pregnant woman; 2) a person who is not a medical professional; and (or) 3) a medical worker – the qualification of the deed must be carried out in accordance with the principle of individual responsibility, by choosing one of the related elements of crimes with the corresponding sign of a special subject. However, at present, the legal question of the basis of a woman's responsibility for illegal termination of pregnancy has not been resolved, and it is not clear by what criteria the legislation differentiates the administrative and criminal liability of medical workers and other persons for the same acts (Article 6.32 of the Administrative Code of the Russian Federation and Article 123 of the Criminal Code of the Russian Federation). In recent years, scientific studies have appeared justifying the expediency of criminalizing a number of socially dangerous acts committed by pregnant women and women in labor (maternity hospitals). The position of the authors of this article is only partially consistent with the proposals made. The authors of the article do not question the right of a woman to make an independent decision on the birth of a child, but recognize as justified the criminal law prohibition on artificial termination of pregnancy when there are no circumstances of a medical or social nature that exclude or significantly reduce the public danger of this act. The article argues that the range of new types of acts committed by maternity hospitals proposed in the doctrine for the purpose of criminalization is unreasonably expanded, in particular, there are no grounds for criminalizing the murder of a terminally ill newborn child by a mother on the grounds of compassion; intentional infliction by a mother of minor harm to the health of a newborn child, as well as causing death by negligence to a newborn child by a mother who is in a state of intoxication.

Key words: criminalization; systematization of criminal law; conflict of rules on liability; crimes against life; infringement on life and health of a newborn or unborn child; illegal artificial termination of pregnancy; actual complicity of special subjects.

Citation. Klenova T. V., Nurkayeva T. N. *O kollizii norm ob ugovnoy otvetstvennosti spetsial'nykh sub'ektov za posyagatel'stvo na zhizn' i zdorov'e novorozhdennogo ili nerodivshegosya rebenka* [On the conflict of norms on criminal liability of special subjects for encroachment on life and health of a newborn or unborn child]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 39–46. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-39-46> [in Russian].

Information on the conflict of interest: authors declared no conflict of interest.

© Klenova T. V., Nurkayeva T. N., 2024

Tatiana V. Klenova – Doctor of Laws, professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Tatyana N. Nurkaeva – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

В условиях разрастания межгосударственных и межкультурных конфликтов обострилась проблема определения и гарантирования социальных ценностей, начиная с права на жизнь. Дискуссия о защите жизни включает обсуждение пределов ее защиты уголовно-правовыми средствами и неизбежно перетекает в рассуждения о политике легализации или, напротив, криминализации аборт, причем в сопоставлении ответственности за прерывание беременности медицинского работника, лица, не являющегося медицинским работником, и самой женщины. Также в предмет обсуждения включается вопрос о дифференциации уголовной ответственности общих и специальных субъектов. Как следствие, не только с канонических (религиозных) и морально-нравственных позиций, но и с учетом функций и задач государственного управления, связанных с регулированием народонаселения, защитой материнства и детства, а также с

определенным представлением о гендерном равенстве/неравенстве, инициируется ревизия соответствующих уголовно-правовых запретов.

Возможности криминализации также рассматриваются под углом систематизации преступлений против жизни и здоровья, преступлений против семьи и несовершеннолетних и (или) преступлений в сфере здравоохранения, хотя в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) составов преступлений с очевидной такой взаимосвязанностью мало. В основном это составы преступлений против жизни и здоровья с признаком специального потерпевшего – женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (например, п. «г» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 110, п. «б» ч. 3 ст. 110¹). И есть уникальный состав убийства новорожденного ребенка, где специальным субъектом названа мать этого ребенка (ст. 106). Реальность такова, что беремен-

ными женщинами, роженицами (родильницами) совершаются и другие общественно опасные деяния, которые ныне преступлениями не признаются. Закономерно, что появляются научные исследования, авторы которых привлекают внимание к таким пробелам в уголовном законодательстве. Это работы Н. Е. Крыловой [1], А. В. Малешинской [2], Л. А. Кудавой [3].

Уголовный закон также содержит составы преступлений других специальных субъектов, вменяемые в случаях посягательств на жизнь не только новорожденного, но и неродившегося ребенка. В части 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ предусмотрена ответственность, соответственно, за причинение по неосторожности смерти и тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Здесь прямо не говорится о медицинских работниках, но по названным статьям квалифицируются деяния в том числе медицинских работников, не оказавших необходимую медицинскую помощь беременной женщине или выполнивших свои профессиональные обязанности с нарушением правил, например без соблюдения соответствующих санитарно-эпидемиологических требований, когда это повлекло прерывание беременности и (или) другие фатальные последствия для женщины и (или) ребенка. При этом в УК РФ есть состав, где прямо говорится о незаконном проведении искусственного прерывания беременности, правда, другим субъектом – лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля (ст. 123). Последний состав является смежным, но никак не специальным по отношению к составам ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ, поскольку признаки субъектов этих преступлений взаимоисключающие и нет конкретизации одного в другом.

В юридической литературе все чаще ставится вопрос о криминализации незаконного проведения искусственного прерывания беременности медицинским работником, тем более что он прямо указан в примечании к ст. 6.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении искусственного прерывания беременности» [4, с. 23], а также обсуждается вопрос о дифференциации уголовной ответственности за незаконное производство аборта по признаку наличия или отсутствия у субъекта преступления высшего медицинского образования [5, с. 9].

Удивительно, но иногда случаи неоказания надлежащей помощи медицинскими работниками беременной женщине с последствиями в виде осложнений во время родов и смерти ребенка или вреда его здоровью квалифицируют вообще иначе: как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, предназначенных для детей в возрасте до 6 лет, по п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ; или как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекших по неосторожности причинение тяжко-

го вреда здоровью либо смерти человека, по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ. К настоящему времени такие судебные позиции теряют силу. Показательно, что по уголовному делу № 01-0073/2024 в отношении медицинских работников роддома Гагаринский районный суд города Москвы оправдал Г. в отношении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ, а К. Г., К. М. и К. А. признал виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Следовательно, содеянное квалифицировано не как преступление против здоровья населения, а как преступное посягательство на жизнь человека [6].

Таким образом, по УК РФ фактическое участие разных специальных субъектов в незаконном прерывании беременности (женщины и лица, не являющегося медицинским работником, или медицинского работника) будет оцениваться по-разному, при этом для одной из сторон – беременной женщины – вывод о преступности деяния исключается по действующему законодательству.

Не вдаваясь здесь в обсуждение обстоятельств и ситуаций, объясняющих и извиняющих поведение женщины, решившей прервать беременность даже с нарушением сроков, предусмотренных законодательством в сфере охраны здоровья, обобщим нормативные позиции. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» допускает искусственное прерывание беременности с рядом ограничений (запретов): искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель; по социальным показаниям – при сроке беременности до 22 недель; при наличии медицинских показаний и согласия женщины – независимо от срока беременности. И в части 8 ст. 56 настоящего Закона сказано, что незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой административную или уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации. Однако здесь не определен круг субъектов ответственности. Зато в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и в УК РФ ответственность возлагается на определенных специальных субъектов, да так, что это допускает трактовку о пониженной юридической ответственности медицинских работников. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях административная ответственность предусмотрена для *медицинских работников и должностных лиц* (видимо, должностных лиц медицинской организации. – Т. К и Т. Н.) *за нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении искусственного прерывания беременности* (ст. 6.32). А вот уголовная ответственность возложена на *лиц, не имеющих высшего медицинского образования соответствующего профиля, за незаконное проведение искусственного прерывания беременности* (ст. 123 УК РФ). В последнем случае речь идет о своеобразном, но все же специаль-

ном субъекте, поскольку из круга субъектов преступления предусмотрено исключение. Многие комментаторы ст. 123 УК РФ к числу субъектов этого преступления относят как частных лиц, так и медицинских работников с высшим образованием иного профиля (стоматолога, терапевта, невропатолога и др.), а также средний медицинский персонал и узких специалистов, хотя и имеющих отношение к родовспоможению, но не получивших высшего медицинского образования (например, медицинских сестер, фельдшеров, акушерок) [7, с. 520].

Приведенные нормативные позиции образуют коллизию, не только потому что административно-правовая и уголовно-правовая нормы, направленные на решение одной задачи, рассогласованы, но и поскольку они не могут быть сопоставлены с общей нормой об ответственности за незаконное прерывание беременности. В УК РФ такой нормы нет, да и в принципе не взяты под уголовно-правовую охрану жизнь и здоровье неродившегося ребенка.

Для справки: в теологических положениях аборт приравнивается к человекоубийству: *qui conceptum in utero per abortum deleverit homicida* («кто убил абортom плод во чреве, является человекоубийцей»). Напротив, в уголовном законодательстве и уголовном праве общая позиция не сформировалась. Причем дискуссионность вопроса подтверждается исторически. Например, накануне Первой мировой войны в 1914 г. на съезде русской группы Международного союза криминалистов была принята резолюция об исключении аборта из числа преступных деяний. Но «эта резолюция вызвала протесты “стариков”, проф. Таганцева, Набокова и др. А. Зарудный возражал против ненаказуемости аборта с точки зрения этики, не допускающей уничтожения жизни» [8, с. 10]. Напротив, среди врачей тогда в общем преобладал взгляд о преступности аборта, но XII Пироговский съезд 1913 г. принял резолюцию о ненаказуемости за аборт женщины и производившего операцию по ее просьбе врача; «лишь врачи, “сделавшие аборт из корыстных целей своей профессией”, подлежат суду» [8, с. 10].

Не ставя под сомнение право женщины принимать самостоятельное решение о рождении ребенка, отметим, что вполне обоснован уголовно-правовой запрет на искусственное прерывание беременности, когда нет обстоятельств медицинского или социального характера, исключающих или существенно снижающих общественную опасность этого деяния. *Незаконный аборт не может отождествляться с убийством ни для кого, но это преступление против жизни.*

Многие авторы предлагают осуществлять уголовно-правовую охрану жизнеспособного плода человека на поздних сроках беременности, правда, видят решение этой проблемы по-разному. Так, по мнению А. В. Малешинной, главу 16 УК РФ следует дополнить ст. 105¹ «Противоправное умышленное умерщвление жизнеспособного плода», изложив ее в следующей редакции: «Противоправное

умышленное умерщвление жизнеспособного плода наказывается лишением свободы на срок до пяти лет» [2, с. 151].

Считаем, что такую статью неуместно включать в субинститут ответственности за убийства, ведь речь идет о неродившемся ребенке, а значит это не убийство, и место новой статьи – не среди статей об убийствах, а рядом со ст. 123 УК РФ. А также полагаем, что предложенный этим автором вариант редакции статьи носит слишком общий характер и нуждается в конкретизации. В частности, в целях более точной квалификации важно на законодательном уровне указать критерии жизнеспособности плода, кроме того, четче определить круг субъектов предполагаемого преступления, дифференцировав их ответственность: ведь одно дело, когда умерщвление жизнеспособного плода совершает сама беременная женщина, а другое – постороннее лицо или даже медицинский работник.

Развивая идею, высказанную А. В. Малешинной, Л. А. Кудаева, руководствуясь п. 1 приложения № 1 к приказу Минздравсоцразвития России «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» [9], делает вывод, что жизнеспособным является плод, находящийся в матке матери и превышающий возраст 22 и более недели, и что за уничтожение плода на поздних сроках беременности (за исключением абортов по медицинским показаниям) женщина должна нести уголовную ответственность. В этих целях Л. А. Кудаева предлагает ввести в УК РФ ст. 106¹ (*Умышленное повреждение или уничтожение матерью жизнеспособного плода на поздних сроках беременности*), изложив ее в следующей редакции:

«1. Умышленное существенное повреждение или уничтожение матерью одного, двух или более жизнеспособных плодов, находящихся в ее матке и превышающих возраст 22 и более недели, в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, – наказываются исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Умышленное существенное повреждение или уничтожение матерью одного, двух или более жизнеспособных плодов, находящихся в ее матке и превышающих возраст 22 и более недели, в отсутствие психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости, – наказываются принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок» [10, с. 100].

Согласны, что введение самостоятельного состава преступления об умышленном уничтожении беременной женщиной жизнеспособного плода на поздних сроках беременности весьма актуально. Доказано, что у жизнеспособного плода ребенка на поздних сроках беременности женщины все органы, системы органов полностью сформирова-

ны: он дышит, реагирует на свет, тепло, шум [11, с. 12]. Поэтому посягательство на жизнеспособный плод в возрасте свыше 22 недель, несомненно, общественно опасно, и жизнь будущего ребенка должна быть поставлена под самостоятельную уголовно-правовую охрану. Однако относительно авторской редакции предлагаемой статьи есть возражения. Если проект части первой статьи 106¹, по-видимому, содержит необходимые условия для отнесения содеянного к числу привилегированных составов преступлений, то в части второй данной статьи таких обстоятельств нет. Удивляет, что Л. А. Кудаева сконструировала санкции в предлагаемой статье 106¹ более строгие, чем санкция части 1 ст. 123 УК РФ (*Незаконное проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля*), в которой вообще не предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Для вменения любого привилегированного состава преступления важно понимать, что является *основополагающим фактором*, существенно понижающим степень общественной опасности содеянного. В данном случае это не сам факт нахождения женщины в состоянии беременности, а *те изменения (отклонения) в психике женщины, которые происходят под влиянием особенностей протекания ее беременности либо под влиянием иных внешних обстоятельств, которые могут травмировать психику женщины (психотравмирующих обстоятельств), при условии, что она (женщина) сохраняла контроль над своим поведением*.

Для тех случаев, когда умысел беременной женщины на умерщвление своего ребенка на поздних сроках беременности возник и реализовался при отсутствии смягчающих вину обстоятельств, уместно предусмотреть более строгую ответственность.

С учетом сказанного предлагаем авторский вариант ст. 123¹ УК РФ (*Незаконное проведение искусственного прерывания беременности на поздних ее сроках самой женщиной*):

«1. Умышленное умерщвление жизнеспособного плода, превышающего возраст 22 и более недели, беременной женщиной, находящейся в состоянии психического расстройства, не исключаяющего вменяемости, вызванного особенностями протекания ее беременности либо влиянием иных внешних обстоятельств, способных травмировать психику женщины, – наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. Умышленное умерщвление жизнеспособного плода, превышающего возраст 22 и более недели, беременной женщиной при отсутствии исключительных обстоятельств, – наказывается... (преступление средней тяжести)».

В целях разграничения ст. 123¹ и ст. 123 УК РФ целесообразно в последнюю внести уточнения, назвав ее «*Незаконное проведение искусственного прерывания беременности по желанию женщины иными лицами*», дифференцировав в ней ответ-

ственность лица, не имеющего медицинского образования (*повитухи, знахарки*); медицинского работника, не имеющего медицинского образования соответствующего профиля (*терапевт, офтальмолог*), и лица, имеющего высшее медицинское образование соответствующего профиля, при совершении деяния с нарушением сроков, установленных законодательством для проведения искусственного прерывания беременности.

В доктрине уголовного права высказаны рекомендации о криминализации и других общественно опасных деяний, совершаемых исключительно женщинами. Наше отношение к этому неоднозначное. Так, Л. А. Кудаева предлагает дополнить УК РФ статьями, предусматривающими ответственность за умышленное причинение матерью тяжкого вреда здоровью новорожденного ребенка (ст. 111¹); умышленное причинение матерью средней тяжести вреда здоровью новорожденного ребенка (ст. 112¹); умышленное причинение матерью легкого вреда здоровью новорожденного ребенка (ст. 115¹).

Действительно, подобные деяния сегодня уголовно ненаказуемы, хотя и обладают достаточно высокой степенью общественной опасности, особенно когда речь идет о причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью новорожденного ребенка [10, с. 102-103]. Однако выделять их в указанные выше самостоятельные статьи считаем нецелесообразным. Логичнее было бы сконструировать одну общую статью по типу ст. 113 УК РФ (*Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта*), поместить ее вслед за последней, изложив в следующей редакции. Ст. 113¹. *Умышленное причинение матерью тяжкого или средней тяжести вреда здоровью новорожденного ребенка: «Умышленное причинение матерью тяжкого или средней тяжести вреда здоровью новорожденного ребенка сразу после родов, сопровождавшихся отклонениями в психике женщины, не исключаяющими ее вменяемости, возникшими под влиянием родов или иных связанных или не связанных с родами психотравмирующих обстоятельств, – наказывается... (преступление небольшой тяжести)».*

Что же касается умышленного причинения матерью легкого вреда здоровью новорожденного ребенка (ст. 115¹), то с учетом сложившихся в теории уголовного права принципов (оснований) криминализации: достаточно высокая степень общественной опасности деяний; их относительная распространенность и типичность; динамика указанных деяний; невозможность ведения успешной борьбы с ними менее репрессивными мерами и проч. [12, с. 525] – устанавливать уголовную ответственность за подобные деяния считаем нецелесообразным, поскольку они не достигают достаточной в уголовно-правовом смысле степени общественной опасности.

Нельзя согласиться и с предложением о криминализации убийства матерью неизлечимо больного новорожденного ребенка по мотиву сострадания

(ст. 106²). Полагаем, что вопрос об установлении уголовной ответственности за совершение данного общественно опасного деяния не может быть решен в отрыве от общей проблемы эвтаназии в уголовном праве [13, с. 16].

Суть эвтаназии сводится к одному – избавить больного человека, не имеющего надежды на исцеление, от мучительной боли, проявляющейся в виде страданий физического, душевного и социального характера, а мотивом деяния является сострадание к больному человеку. На сегодняшний день на территории Российской Федерации эвтаназия законодательно запрещена, под уголовно-правовым запретом находится как активная, так и пассивная ее формы. Это положение нормативно отражено в ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 19.12.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которая определяет эвтаназию как «ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента». Такие действия в теории уголовного права определяются как «простое» убийство и так же в судебной практике квалифицируются (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Вопрос о допустимости эвтаназии в России волновал общественность всегда, не утратил он своей актуальности и сегодня. Сама идея эвтаназии как проявления естественного права человека распоряжаться своей жизнью вполне допустима, но только в экономически развитом, зрелом в нравственном отношении обществе и в отношении определенной категории неизлечимо больных лиц, которые по состоянию своего здоровья испытывают чрезвычайно сильные физические и нравственные мучения и страдания. Вместе с тем мы солидарны с мнением противников введения эвтаназии, поскольку в условиях реальной действительности это может привести к злоупотреблениям в отношении наименее защищенных лиц.

С учетом сказанного считаем, что нецелесообразно вводить новые привилегированные составы: «убийство по просьбе потерпевшего (или из сострадания)» и «убийство матерью неизлечимо больного новорожденного ребенка по мотиву сострадания». Полагаем, что наличие среди обстоятельств, смягчающих наказание, такого, как совершение преступления по мотиву сострадания, вполне достаточно для индивидуализации уголовной ответственности в этих случаях [10, с. 82]. Кроме того, в случае лишения жизни матерью неизлечимо больного новорожденного ребенка по мотиву сострадания должна обсуждаться возможность прекращения уголовного преследования в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Неубедительным выглядит и вывод Л. А. Кудаевой о целесообразности дополнения ст. 109 УК РФ (*Причинение смерти по неосторожности*) частью 1¹, где этот автор предлагает установить повышенную ответственность за причинение смерти по неосторожности новорожденному ребенку ма-

терью, находящейся в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ. На основе изучения судебной практики Л. А. Кудаева справедливо отмечает, что общественная опасность причинения смерти новорожденному в ситуации, когда кормящая мать осознанно употребляет спиртные напитки и, находясь в этом состоянии, неосторожно лишает ребенка жизни, выше, нежели неосторожное причинение смерти новорожденному ребенку матерью, которая не имеет опыта ухода за младенцем [10, с. 152]. Но из этого вовсе не следует вывод о необходимости введения в уголовный закон нового состава преступления. Реальным средством индивидуализации уголовной ответственности в этих случаях является положение, закрепленное ч. 1¹ ст. 63 УК РФ, согласно которому суд может признать нахождение лица в состоянии опьянения в момент совершения преступления отягчающим обстоятельством. Другое дело, что по непонятным причинам суды редко используют этот правовой инструмент, назначая виновным весьма мягкие наказания [10, с. 150–151].

Резюмируя сказанное, отметим, что вопрос о криминализации ряда новых общественно опасных деяний, совершаемых женщинами, действительно назрел. Особенно когда речь идет о постановке под уголовно-правовую охрану жизни ребенка на поздних сроках беременности либо об ответственности матери за умышленное причинение вреда здоровью новорожденного ребенка сразу после родов. Введение этих уголовно-правовых норм позволит говорить о группе преступлений, совершаемых только женщинами и обладающих определенными специфическими особенностями, исследование которых позволит выработать единые критерии, влияющие на дифференциацию и индивидуализацию ответственности данной категории лиц. При этом должно быть гарантировано право женщины принимать самостоятельное решение о рождении ребенка, когда есть обстоятельства медицинского или социального характера, исключающие или существенно снижающие общественную опасность искусственного прерывания беременности.

Если жизнь и здоровье неродившегося ребенка признать самостоятельными объектами уголовно-правовой охраны, то это потребует по-новому систематизировать нормы об уголовной и административной ответственности общих и специальных субъектов за посягательства на жизнь и здоровье неродившегося или новорожденного ребенка (отличающиеся от убийств), в том числе путем преодоления коллизии норм об ответственности специальных субъектов за незаконное искусственное прерывание беременности.

В условиях фактического соучастия субъектов разных видов в незаконном прерывании беременности: 1) беременной женщины; 2) лица, не являющегося медицинским работником; и (или) 3) ме-

дицинского работника, как имеющего высшее медицинское образование соответствующего профиля, так и не имеющего высшего медицинского образования соответствующего профиля, – квалификация содеянного должна осуществляться в соответствии с принципом индивидуальной ответственности с вменением одного из смежных составов с соответствующим признаком специального субъекта. Наименее суровая ответственность за участие в незаконном прерывании беременности должна возлагаться на женщину, и наиболее су-

ровая – на медицинского работника. В настоящее время системный анализ соответствующих статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации позволяет сделать вывод о пониженной юридической ответственности медицинских работников по сравнению с лицами, не имеющими высшего медицинского образования соответствующего профиля (ст. 6.32 КоАП РФ и ст. 123 УК РФ). Считаем такое положение дел недопустимым.

Библиографический список

1. Крылова Н. Е. Ответственность за незаконное производство аборта и необходимость уголовно-правовой защиты «будущей жизни» // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2002. № 6. С. 38–53. URL: <https://istina.msu.ru/download/86896089/1su64r:w6rWNP958QafQ9-y51ZHri7nI7k/>.
2. Малешина А. В. Перспективы и возможности уголовно-правовой охраны «будущей жизни» (сравнительно-правовой анализ) // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 3 (296). С. 132–152. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16814034>. EDN: <https://www.elibrary.ru/odymid>.
3. Кудяева Л. А. Проблемы реализации уголовной политики в отношении преступлений, совершаемых исключительно женщинами: теория, законодательство и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 32 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/problemy-realizatsii-ugolovnoi-politiki-v-otnoshenii-prestuplenii-sovershaemykh-isklyuchitel/read>.
4. Аськов Н. Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, при оказании медицинской помощи / под ред. Т. В. Кленовой. Москва: Юрлитинформ, 2022. 184 с.
5. Лозанович Л. А. Незаконное производство аборта: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 22 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002743889.pdf?ysclid=mlkj8f5x4v36526057.
6. Приговор медикам роддома. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/gagarinskij/news/gagarinskim-rajonnym-sudom-goroda-moskvy-provozglashen-prigovor-medikam-roddoma> (дата обращения: 17.06.2024).
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. Москва: Проспект, 2019. 1536 с. URL: <https://reader.lanbook.com/book/150865/preview#1>.
8. Равич М. Аборт в истории уголовного права // Советская юстиция. 1936. № 34. С. 9–10.
9. Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н (с изм. и доп. от 13.10.2021 № 987н) «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=418438&ysclid=mlkk4914s3353543373>.
10. Кудяева Л. А. Проблемы реализации уголовной политики в отношении преступлений, совершаемых исключительно женщинами: теория, законодательство и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 328 с. URL: <http://test.ssa.ru/dissertation/dissert/17-03-2023-2d.pdf>.
11. Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. 465 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000726663/.
12. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов: в 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А. Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А. И. Чучаев. Москва: Проспект, 2022. 728 с. URL: <https://book.ru/book/946727>.
13. Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2017. 256 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000024098/.

References

1. Krylova N. E. *Otvetstvennost' za nezakonnoe proizvodstvo aborta i neobkhodimost' ugovolno-pravovoi zashchity «budushchei zhizni»* [Responsibility for the illegal production of abortion and the need for criminal legal protection of the «future life»]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo* [Moscow University Bulletin. Series 11. Law], 2002, no. 6, pp. 51–52. Available at: <https://istina.msu.ru/download/86896089/1su64r:w6rWNP958QafQ9-y51ZHri7nI7k/> [in Russian].
2. Maleshina A. V. *Perspektivy i vozmozhnosti ugovolno-pravovoi okhrany «budushchei zhizni» (sravnitel'no-pravovoi analiz)* [Prospects for the criminal protection of «potential human life» (the comparative analysis)]. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Pravovedenie], 2011, no. 3, pp. 132–152. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16814034>. EDN: <https://www.elibrary.ru/odymid> [in Russian].
3. Kudaeva L. A. *Problemy realizatsii ugovolnoi politiki v otnoshenii prestuplenii, sovershaemykh isklyuchitel'no zhenshchinami: teoriya, zakonodatel'stvo i pravoprimeritel'naya praktika: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems

of the implementation of criminal policy in relation to crimes committed exclusively by women: theory, legislation and law enforcement practice: author's abstract of Candidate of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2023, 32 p. Available at: <https://www.disserscat.com/content/problemy-realizatsii-ugolovnoi-politiki-v-otnoshenii-prestuplenii-sovershaemykh-isklyuchitel/read> [in Russian].

4. Askov N. N. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya, pri okazanii meditsinskoj pomoshchi. Pod red. T. V. Klenovoi* [Klenova T. V. (ed.) Circumstances excluding the criminality of an act in the provision of medical care]. Moscow: Yurлитinform, 2022, 184 p. [in Russian].

5. Lozanovich L. A. *Nezakonnoe proizvodstvo aborta: ugovolno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Illegal abortion: criminal law and criminological aspects: author's abstract of Candidate of Legal Sciences thesis]. Stavropol, 2004, 22 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002743889.pdf?ysclid=m1kj8f5x4v36526057 [in Russian].

6. *Prigovor medikam roddoma* [Sentence to the doctors of the maternity hospital]. Available at: <https://mos-gorsud.ru/rs/gagarinskij/news/gagarinskim-rajonnym-sudom-goroda-moskvy-provozglashen-prigovor-medikam-roddoma> (assecced 17.06.2024) [in Russian].

7. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoi Federatsii (nauchno-prakticheskii). Pod red. A. I. Chuchaeva* [Criminal Code of the Russian Federation. Commentary with guide for judicial practice. Edited by Doctor of Law, professor A. I. Chuchaev]. Moscow: Prospekt, 2019, 1536 p. Available at: <https://reader.lanbook.com/book/150865/preview#1> [in Russian].

8. Ravich M. *Abort v istorii ugovolnogo prava* [Abortion in the history of criminal law]. *Sovetskaya yustitsiya*, 1936, no. 34, pp. 9–10 [in Russian].

9. *Prikaz Minzdravsotsrazvitiya Rossii ot 27.12.2011 No. 1687n (s izm. i dop. ot 13.10.2021, No. 987n) «O meditsinskikh kriteriyakh rozhdeniya, forme dokumenta o rozhdenii i poryadke ego vydachi»* [Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia dated 27.12.2011 No. 1687n (as amended on 13.10.2021, No. 987n) «On the medical criteria of birth, the form of the birth certificate and the procedure for its issuance»]. Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=418438&ysclid=m1kk4914s3353543373> [in Russian].

10. Kudaeva L. A. *Problemy realizatsii ugovolnoi politiki v otnoshenii prestuplenii, sovershaemykh isklyuchitel'no zhenshchinami: teoriya, zakonodatel'stvo i pravoprinenitel'naya praktika: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of the implementation of criminal policy in relation to crimes committed exclusively by women: theory, legislation and law enforcement practice: Candidate of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2023, 328 p. Available at: <http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/17-03-2023-2d.pdf> [in Russian].

11. Popov A. N. *Prestupleniya protiv lichnosti pri smyagchayushchikh obstoyatel'stvakh* [Crimes against the person under mitigating circumstances]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2001, 456 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000726663 [in Russian].

12. *Ugovolnoe pravo Rossijskoi Federatsii: problemnyi kurs dlya magistrantov i aspirantov: v 3 t. T. 1. Vvedenie v ugovolnoe pravo. Pod obshch. red. A. N. Savenkova; nauch. red. i ruk. avt. kol. A. I. Chuchaev* [Savenkov A. N. (ed.) Criminal law of the Russian Federation: problem course for undergraduates and postgraduates: in 3 vols. Vol. 1. Introduction to criminal law; scientific editorship and leader of the writing team A. I. Chuchaev]. Moscow: Prospekt, 2022, 728 p. Available at: <https://book.ru/book/946727> [in Russian].

13. Nurkaeva T. N. *Ugovolno-pravovaya okhrana lichnosti, ee prav i svobod: voprosy teorii i praktiki: monografiya. 2-e izd., pererab. i dop.* [Criminal law protection of an individual, his rights and freedoms: issues of theory and practice: monograph. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Prospekt, 2017, 255 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000024098 [in Russian].